

5 1903
50 11-23

ИЗВѢСТІЯ

по

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемая при журналѣ „ОТДЫХЪ ХРИСТИАНИНА“.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Высочайшія каграды.

Государь Императоръ, по всеподаннѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 25-й день ноября текущаго года, на сопричисленіе священника С.-Петербургской Никольской единовѣрческой, что въ Николаевской улицѣ, церкви, Матеія Никольскаго, за отлично-усердную и полезную 50-лѣтнюю службу его по епархіальному вѣдомству, къ ордену св. Анны 3-ей степени.

Государь Императоръ, по всеподаннѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, Высочайше соизволилъ, въ 25 день ноября сего 1902 г., сопричислить діакона церкви Успенскаго городского кладбища, въ С.-Петербургѣ, Θεодора Словцова, по случаю исполнившагося 50-лѣтія служенія его въ священномъ санѣ, къ ордену св. Анны 3-ей степени.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

О сборѣ пожертвованій 5-го и 6-го Января на постройку православнаго Эстонскаго храма.

По Указу Его Императорскаго Величества, 1 Экспедиція С.-Петербургской Духовной Консисторіи слушала: рапортъ Совѣта С.-Петербургскаго Православнаго Эстонскаго Братства, во имя Св. мученика Исидора Юрьевскаго, отъ 15-го сего декабря, на имя Его Высокопреосвященства, коимъ Совѣтъ Братства, въ виду послѣдовавшаго разрѣшенія Св. Синода произвести 5—6 января 1903 года во всѣхъ церквахъ Имперіи—приходскихъ, монастырскихъ и военныхъ,—сборъ пожертвованій на постройку, въ С.-Петербургѣ, Православнаго Эстонскаго храма, проситъ о напечатаніи въ „Извѣстіяхъ по С.-Петербургской епархіи“ слѣдующихъ пояснительныхъ распоряженій: „Причтамъ церковей произвести сборъ за всенощнымъ бдѣніемъ, 5 января (послѣ шестопсалмія) и гдѣ служатся, за обѣими литургіями, 6 января 1903 г., ранней и поздней. Предъ сборомъ прочесть, разосланное всѣмъ причтамъ при № 50 „Церковныхъ Вѣдомостей“ воззваніе или сказать, по произволенію, нѣсколько словъ отъ себя по поводу сбора. Гдѣ въ С.-Петербургѣ не будетъ отъ Братства особаго сборщика (съ довѣренностію въ видѣ отношенія на имя причта и старосты), тамъ сборъ произвести мѣстными силами, при помощи кого либо изъ причта или богомольцевъ. Деньги могутъ быть сданы сборщику подъ росписку его на довѣренности; при отсутствіи сборщика деньги сдаются обычнымъ порядкомъ въ Консисторію. Къ сему Совѣтъ Братства присовокупилъ, что сборъ предполагается совершить и въ тѣхъ домовыхъ церквахъ, гдѣ бываютъ посторонніе богомольцы, приказали: О содержаніи изложеннаго отношенія объявить духовенству С.-Петербургской епархіи къ должному исполненію, чрезъ на-

печатаніе въ „Извѣстіяхъ по С.-Петербургской епархіи“, съ предписаніемъ, чтобы причты тѣхъ церквей, въ которыя не явятся сборщики Эстонскаго братства, собранныя деньги представляли, чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ, во 2-ю Экспедицію Консисторіи. Декабря 18 дня 1902 года за № 7720.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Награждены: скуфьею, за усердіе въ преподаваніи Закона Божія въ Лахтинской церковно-приходской школѣ, С.-Петербургскаго уѣзда, священникъ Лахтинской церкви Сергій **Васильевъ**, 23-го декабря; на бѣдренникомъ, за отлично-усердную службу, священники: Предтеченской церкви Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной церкви, въ С.-Петербургѣ, Николай **Птицынъ**, и церкви при Николаевскомъ женскомъ училищѣ, въ С.-Петербургѣ, Петръ **Миртовъ**; Сергіевской, что въ Новосивковской улицѣ, Александръ **Сахаровъ**, и Преображенской, у Московской заставы, Николай **Курловъ**, 20 декабря.

Опредѣлены на священническія вакансіи: къ новоустроенной церкви въ Лоцманскомъ селеніи, что при деревнѣ Лебяжье, Петергофскаго уѣзда, діаконъ Ковашевской церкви, того же уѣзда, Михаилъ **Песоцкій**, согласно прошенію, 17 декабря; къ Гавсарской церкви, Новолadoжскаго уѣзда, окончившій курсъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи Ѳеодоръ **Листовъ**, согласно прошенію, 17 декабря; на штатную діаконскую вакансію къ Песейской церкви, Гдовскаго уѣзда, псаломщикъ Заявской церкви, того же уѣзда, Иванъ **Соколовъ**, согласно прошенію, 16 декабря; на діаконскую вакансію къ Вшельскольской церкви, Лужскаго уѣзда, и. д. псаломщика Димитріевской церкви Бѣльскаго погоста, того же уѣзда, Аркадій **Георгіевскій**, согласно прошенію, 31 декабря; на псаломщическія вакансіи: къ Ковашевской церкви, Петер-

гофскаго уѣзда, учитель Куровицкой церковно-приходской школы, Ямбургскаго уѣзда, Василій **Черняевъ**, согласно прошенію, 31 декабря; къ Рыбацкой Покровской церкви, Петербургскаго уѣзда, учитель Песочкой церковно-приходской школы, Новолодожскаго уѣзда, Иванъ **Свѣтловъ**, согласно прошенію, 30 декабря.

Перемѣщены на священническія вакансіи: къ церкви св. Апостола Филиппа, что при Маріинской школѣ Попечительства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны о глухонѣмыхъ въ деревнѣ Мурзинкѣ, С.-Петербургскаго уѣзда, священникъ Сяьской Рождественной церкви, Новолодожскаго уѣзда, Павелъ **Скрелинъ**, согласно прошенію, 21 декабря; къ Павловской церкви, Гдовскаго уѣзда, священникъ Бѣльской церкви, того же уѣзда, Павелъ **Какушадзе**, согласно прошенію, 17 декабря.

Утверждены: духовникомъ священно-церковно-служителей 2-го столичнаго благочинническаго округа заштатный протоіерей Сумеоновской, что въ Моховой ул., церкви, Евѣимій **Голинскій**, 30 декабря; въ должности псаломщика, допущенный къ исполненію таковой при Сергіевской, на Новосивковской ул., церкви въ С.-Петербургѣ, Василій **Спиридоновъ**, 23 декабря.

Назначены къ посвященію въ стихарь псаломщики: церкви при Богадѣльнѣ Цесаревича Николая Александровича, въ С.-Петербургѣ, Александръ **Каллистовъ**, 16 декабря; Новодеревенской церкви, С.-Петербургскаго уѣзда, Павелъ **Бѣляевъ**, 21 декабря.

Допущенъ къ исполненію псаломщическихъ обязанностей къ новоустроенной церкви въ Лоцманскомъ селеніи, что при деревнѣ Лебяжье, Петергофскаго уѣзда, исполняющій таковыя при Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ, по вольному найму, Николай **Поповъ**, согласно прошенію, 17 декабря.

Утверждены законоучителями: священникъ Лужскаго собора Іоаннъ **Судаковъ**—въ Лужской мужской Воскресной школѣ, со 2 декабря 1902 года, и священникъ Запольской церкви,

Лужскаго уѣзда, Веніаминъ **Вещезеровъ**—въ Записенской и Запольской земскихъ школахъ, Лужскаго уѣзда, съ 1 января 1903 года.

Допущены къ преподаванію Закона Божія: въ Савиновщинскомъ и Попково-Горскомъ училищахъ, Гдовскаго уѣзда, учителя означенныхъ училищъ, подъ отвѣтственностію законоучителя сихъ училищъ, священника Сиженской церкви, Гдовскаго уѣзда, Владимира **Фелицина**, 20 декабря.

Уволены въ отпускъ: іеромонахъ Староладожскаго Николаевскаго монастыря Никонъ, съ 20 декабря 1902 года по 20 января 1903 года; діаконъ Осьминской церкви, Гдовскаго уѣзда, Георгій **Георгіевскій**, съ 16 декабря 1902 года по 16 апрѣля 1903 года.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Введенской, на Петербургской сторонѣ, церкви—С.-Петербургскій 2-й гильдіи купецъ Алексѣй **Георгіевъ Медвѣдевъ**, на 4-е трехлѣтіе; къ село-Синявинской Михаило-Архангельской церкви, Шлиссельбургскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ Ивановъ **Мясниковъ**, на 1-е трехлѣтіе, и къ Ново-Лисинской Смоленской церкви, Царскосельскаго уѣзда, мѣщанинъ г. Ростова Петръ Семеновъ **Коромысловъ**, на 2-е трехлѣтіе, 20 декабря; къ С.-Петербургской Успенской, что на Сѣнной, церкви, С.-Петербургскій 1-й гильдіи купецъ Петръ Евѣиміевъ **Воеводскій**, на 9-е трехлѣтіе, 23 декабря; къ Вѣтвѣницкой Петропавловской церкви, Гдовскаго уѣзда, крестьянинъ Сумеонъ **Косминъ**, на 3-е трехлѣтіе, 16 декабря; къ Мало-Уторгощской Покровской церкви, Лужскаго уѣзда, крестьянинъ Никифоръ **Алексѣевъ**, на 1-е трехлѣтіе, 16 декабря; къ Большеохтенской Свято-Духовской церкви Охтенскій купецъ Адрианъ Ѳеодоровъ **Епифановъ**, на 1-е трехлѣтіе, 17 декабря; къ Югостицкой Покровской церкви, Лужскаго уѣзда, крестьянинъ Василій **Ивановъ**, на 4-е трехлѣтіе, 30 декабря.

Уволены отъ должности старосты: Климентовской, г. Новой Ладоги церкви, крестьянинъ Евграфъ **Малновъ**, согласно прошенію его, 17 декабря 1902 года; церкви Технологи-

ческаго Института Императора Николая I-го, С.-Петербургскій 2 гильдіи купецъ Тимошей Захаровъ **Захаровъ**, согласно его прошенію.

Уволены отъ должности просфорни: Гавсарской Флоро-Лаврской церкви, Новоладожскаго уѣзда, дочь псаломщика Елизавета **Дубенская**, согласно прошенію, 31 декабря; Ло-сицкой Успенской церкви, Гдовскаго уѣзда, вдова священника Любовь **Вещезерова**, согласно прошенію, по болѣзни, 31 декабря.

За смертію исключается изъ списковъ псаломщикъ Копорскаго Преображенскаго собора Николай **Федоровъ**, съ 24-го декабря.

Отъ С.-Петербургской Духовной Консисторіи.

Симъ объявляется духовенству церковей г. С.-Петербурга и его уѣзда, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено Столичному Отдѣленію С.-Петербургскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта произвести въ 1903 году сборъ пожертвованій въ пользу церковно-приходскихъ школъ столицы и С.-Петербургскаго уѣзда въ упомянутыхъ церквахъ за литургіями недѣли о Закхѣѣ (19 января) и наканунѣ, 18 января, за всенощными. Декабря 31 дня 1902 года.

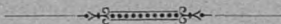
Разрѣшено открыть Общество трезвости при Хотовской Введенской церкви, Новоладожскаго уѣзда съ тѣмъ, чтобы оно руководилось „Правилами Общества Трезвости Троицкаго Помяловскаго прихода Новоладожскаго уѣзда“, утвержденными Епархіальнымъ Начальствомъ $\frac{24 \text{ января}}{13 \text{ февраля}}$ 1902 года за № 154. 31 декабря.

С.-Петербургская Духовная Консисторія симъ доводитъ до свѣдѣнія окончившихъ курсъ СПб. Духовной Семинаріи, что въ Ямбургскомъ уѣздѣ имѣется вакантная должность районнаго преподавателя Закона Божія въ земскихъ школахъ.

Содержаніе съ развѣздами по 4 школамъ опредѣлено Ямбургской Уѣздной Земской Управой въ 600 руб. въ годъ, при чемъ въ каждую школу необходимо дѣлать два посѣщенія въ недѣлю.

Съ заявленіями слѣдуетъ обращаться въ названную земскую управу.

С.-Петербургскій епархіальный противораскольническій миссіонеръ Михаилъ Чельцовъ имѣетъ посѣтить, съ миссіонерскою цѣлью, слѣдующіе приходы: Новолодожскаго уѣзда, 12 января 1903 года — Вольковскій, 13 января — Михаило-Архангельскій (дер. Бургино), 14 января — Помяловскій (дер. В.-Островъ), 15 января — Гостинопольскій, 16 — 17 января — Верховинскій, 18 января — Усадищскій (д. Вячково), 19 Января — Веготскій (д. Чаплино), 26 января — Черновскій, 27 января — Дубенскій, 29 января — Рогожскій, 30 января — Лунгачскій, 31 января — Вороновскій, 1-го февраля — Шолтоловскій, и 2-го Февраля — Веготскій. О вышеизложенномъ Консисторія даетъ знать благочиннымъ и духовенству помянутыхъ приходовъ.

Чудесный сонъ.

(Разсказъ изъ недавняго прошлаго).

I.

Владимиръ Герасимовичъ Соколовъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ принято называть религіозными индеферентистами. Несмотря на то, что онъ былъ сынъ священника, получилъ духовное образованіе сначала въ семинаріи, а потомъ и въ академіи, тлетворный духъ времени какъ-то особенно коснулся его, и было время, когда онъ мыслилъ совершенно свободно и былъ усерднымъ поклонникомъ грубаго матеріализма. То было давно, когда Соколовъ былъ еще въ семинаріи и сошелся съ нѣкоторыми вольнодумными людьми. Академія совсѣмъ не уничтожила въ немъ духа отрицанія, а лишь парализовала такъ сказать его развитіе. Такъ какъ Владиміръ Герасимовичъ серьезно не задумывался надъ религіозными вопросами и мало читалъ духовную литературу, то идеи о Богѣ, о душѣ, о вѣчной жизни, въ церковномъ ученіи объ этихъ предметахъ, какъ-то не прививались къ нему; онъ оставался не продуманными имъ, потому не проникали и въ его сердце, мягкое однако отъ природы и доступное въ сущности добрымъ вліяніямъ. Въ періодъ своего школьнаго образованія онъ любилъ читать больше книги свѣтскія и при томъ «съ направленіемъ»; любилъ также

заниматься естествознаніемъ. Изъ всего этого вышло въ концѣ концовъ такъ, что онъ, если не смѣлъ отрицать существованія Бога, божественнаго Промысла, существованія души, ея безсмертія, то всетаки сильно во всемъ этомъ сомнѣвался.

До окончанія курса въ академіи, Соколовъ поступилъ на службу воспитателемъ въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній города N-ска. Порядки этого заведенія и въ частности воспитательная часть были таковы, что Владиміру Герасимовичу оставалось лишь замѣчать проступки учениковъ и докладывать о нихъ инспектору. О какомъ-либо нравственномъ вліяніи на питомцевъ здѣсь мало могло быть рѣчи. Пробоваль было на первыхъ порахъ Владиміръ Герасимовичъ «по душамъ» разговаривать съ воспитанниками и сблизиться съ ними, но, когда однажды онъ вынужденъ былъ донести начальству про одного ученика, замѣченнаго имъ въ нетрезвости, ученики отшатнулись отъ него и онъ самъ почувствовалъ, что довѣріе ихъ для него потеряно. Съ этого времени, день за днемъ, мѣсяць за мѣсяцемъ—онъ сдѣлался совершенно равнодушнымъ къ своимъ обязанностямъ и исполнялъ ихъ чисто формально, говоря иногда своимъ сослуживцамъ: «на нашей должности нужно бы быть людямъ не съ высшимъ образованіемъ, а крайней мѣрѣ съ среднимъ: то, что мы дѣлаемъ, съ большимъ успѣхомъ могъ бы выполнить любой полицейскій». Живого дѣла, которое бы заинтересовало Соколова и въ которое онъ могъ бы положить свою душу, у него не было и, какъ ему казалось, не могло быть. Пригласили его какъ-то давать уроки по Закону Божію въ воскресной школѣ; онъ ходилъ туда раза четыре-пять, но такъ какъ съ одной стороны преподавать то, во что онъ плохо вѣрилъ, представлялось ему нечестнымъ, а съ другой, такъ

какъ слушательницами его были по большей части кухарки и горничныя, изъ которыхъ нѣкоторыя во время уроковъ лишь двусмысленно улыбались ему, то онъ и бросилъ это дѣло.

Такъ и жилъ Владиміръ Герасимовичъ почти цѣлыхъ десять лѣтъ въ должности воспитателя юношества. Жилъ онъ въ казенной квартирѣ, одинокимъ холостякомъ. Жизнь безъ должной вѣры въ Бога, безъ живого дѣла, скучна и невыносима. Таковой она казалась и самому Соколову. Но не случилось ничего такого, что бы измѣнило эту его жизнь. Читалъ онъ мало; лишь въ послѣднее сравнительно время сталъ перечитывать философскія произведенія Толстого, такъ нравившіяся ему прежде. Онъ переживалъ теперь именно такое состояніе духа, которое въ отношеніи религіи называется религіознымъ индифферентизмомъ, т. е. чувствовалъ къ предметамъ религіи и дѣламъ вѣры полное равнодушіе. Правда, видимо онъ былъ христіаниномъ, какъ и другіе: обязанности его службы въ томъ заведеніи, гдѣ онъ былъ воспитателемъ, заставляли его и участвовать въ молитвѣ съ учениками, и простаивать церковныя службы, соблюдать великій постъ, даже одинъ разъ въ году исповѣдываться и причащаться. Но все это исполнялось имъ лишь въ силу необходимости, безъ всякаго желанія и охоты, безъ участія сердца.

Ближе всѣхъ изъ своихъ сослуживцевъ Владиміръ Герасимовичъ стоялъ къ преподавателю словесности Алексѣю Ѳедоровичу Воробьеву, человѣку семейному и уже пожилому. Онъ нерѣдко заходилъ къ нему на квартиру, и тамъ они за стаканомъ чая, а иногда и за графиномъ водки, бесѣдовали по «душамъ». У нихъ велись разговоры и на религіозныя темы, и Воробьевъ, какъ человѣкъ глубоко вѣрующій, всегда старался вразумить товарища, направить его на путь вѣры и соотвѣтствующей жизни.

— Безъ вѣры ты погибаешь, говариваль онъ Соколову,—да и погибнешь. Ты посмотри, какъ ты постарѣлъ, опустился. Ты небось забылъ и то, что зналъ въ академіи. Живеть человекъ, какъ автоматъ какой. А отчего? Оттого, что ты Бога не знаешь, нѣтъ вѣры въ тебѣ. Вѣдь человекъ только вѣрою и живъ бываетъ; развѣ не знаешь? Потому у тебя и живого дѣла нѣтъ.

— Это я знаю, отвѣчалъ обыкновенно Владиміръ Герасимовичъ,—да вѣдь вѣра-то не продается по фунтамъ на базарѣ. Къ тому же, вѣдь, я не могу сказать про себя, чтобы я и не вѣрилъ. Ну, есть Богъ — и ладно. Что-жъ изъ этого? Можетъ это и вѣрно, не отрицаю; но толкъ-то какой изъ этого для меня? Я можетъ и радъ бы измѣниться, да не измѣняетъ же вотъ Онъ меня.

— Чудакъ ты, возражалъ ему Воробьевъ.—Развѣ можно такъ, сразу, безъ всякаго съ своей стороны старанія, труда? Вѣдь это было бы чудо, а чудеса Богъ творить не для всякаго. Ужъ очень многого ты захотѣлъ. Ты потрудись надъ собой, поломай себя, больше молись и проси Бога придти къ тебѣ на помощь, читай отцовъ, а не Толстого своего, и дѣлай это чаще, изо дня въ день, привыкни къ этому; вотъ тогда и будетъ толкъ, ты самъ увидишь, какъ постепенно будутъ открываться глаза твои. А вѣдь теперь ты кто? слѣпецъ—и больше ничего!—И, замѣчая слабую, горько-ироническую улыбку на устахъ своего товарища, онъ добавлялъ:

— Да не смѣйся, братъ, я дѣло говорю. Я не умѣю говорить по ученому, но говорю правду и дай Богъ, чтобы ты когда нибудь понялъ это.

— Нѣтъ, я не надъ тобой, виновато говорилъ Соколовъ. А самъ въ это время думалъ: «нѣтъ, должно быть такъ и будетъ ужъ во мнѣ эта пустота, омертвѣлость. Погубили

меня мои негодные товарищи, изъ которыхъ теперь никого нѣтъ около меня; погубили и эти скверныя книги, что заглушали всякіе проблески вѣры»...

А немного погодя онъ продолжалъ думать уже такъ: «А вѣдь, съ другой стороны, ужели же всѣ эти книги—ложь и чепуха? Вѣдь онѣ—творенія великихъ умовъ, многіе годы трудившихся надъ вопросами о Богѣ, о душѣ. А взять Христа, Его чудеса? Не говоря уже про такіе авторитеты, какъ Ренанъ, Штраусъ, нашъ Толстой,—вѣдь теперь, среди интеллигенціи, особенно среди молодежи, тысячи невѣрующихъ! Ужели это заблужденіе? Не на оборотъ-ли? Не нужно ли представлять себѣ дѣло такъ, что вѣра многихъ и весьма умныхъ людей, — это результатъ односторонняго направленія ума, развитію котораго данъ толчекъ въ извѣстномъ направленіи; въ этомъ одномъ направленіи онъ и работаетъ, и не видитъ ничего другого... Не поймешь, право, ничего»...

И въ результатъ такихъ разговоровъ съ Воробьевымъ и такихъ размышленій въ душѣ Соколова получалось всегда чувство еще большей пустоты, еще большей неопредѣленности, горечи и тоски.

Однажды Воробьевъ сказалъ Соколову.

— Вотъ что, Владиміръ Герасимовичъ, время-то все идетъ, не увидишь, какъ и старость подкрадется. Человѣкъ ты не глупый; жаль только, что опустился; а чѣмъ дальше, такъ тѣмъ вѣдь будетъ хуже. Плюнь-ка, братъ, на теперешнюю-то свою службу и поступай-ка во іереи: не худо будетъ, оживишься. Архіерей всегда дастъ тебѣ мѣсто, и при томъ въ городѣ.

Владиміръ Герасимовичъ не ожидалъ ничего подобнаго. Съ удивленіемъ посмотрѣлъ онъ на своего товарища, потомъ горько усмѣхнулся и, глубоко вздохнувъ, сказалъ:

— Хорошъ священникъ!..

И въ этихъ двухъ словахъ, произнесенныхъ изъ глубины наболѣвшаго сердца, слышалось столько горечи и боли, столько безнадежной тоски и отчаянiя, что Воробьевъ пожалѣлъ, что посовѣтовалъ прiятелю священство.

Только однажды и при томъ на одну лишь минуту тяжелый душевный мракъ Соколова озарился свѣтомъ тихой и чистой радости. Это было какъ-то на страстной недѣлѣ великаго поста, когда онъ говѣлъ съ своими питомцами. Онъ видѣлъ въ церкви, какъ одинъ изъ воспитанниковъ низшаго класса, Соловьевъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, тихо заплакалъ, когда священникъ, вышедши изъ алтаря съ Св. чашей, сталъ читать: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую». По лицу мальчика текли обильныя слезы, а глаза его устремлены были вверхъ, въ церковный куполь, гдѣ изображенъ былъ благословляющій Христосъ. Какой-то сладостно-мучительный уколъ въ сердце почувствовалъ Соколовъ; двѣ крупныя слезинки выкатились изъ его глазъ. Вспомнилъ онъ тутъ свое милое дѣтство, когда былъ чистъ душою и беззавѣтно вѣровалъ въ Бога, — и такъ легко и радостно вдругъ почувствовалъ онъ себя и невольно воскликнулъ: «о, Господи, Господи!»

А дальше опять пустая и безсодержательная жизнь, жизнь безъ вѣры и любви, во мракѣ и невѣдѣнiи, съ постояннымъ душевнымъ гнетомъ, съ всегдашнимъ сознаниемъ своего нравственнаго безсилiя и уродства...

II.

Какъ-то въ октябрѣ 1901 года, на десятомъ уже году своей педагогической службы, Владимiръ Герасимовичъ

былъ по обыкновению «вечернимъ дежурнымъ» въ своемъ заведеніи. Обязанность вечерняго дежурнаго состояла въ томъ, чтобы, сдѣлавъ въ 5 час. повѣрку воспитанниковъ, ходить потомъ изъ одной занятой комнаты въ другую и слѣдить, чтобы ученики были на своихъ мѣстахъ, занимались бы приготовленіемъ заданныхъ имъ уроковъ и не шумѣли бы. Такъ дѣло велось до ужина, а послѣ ужина — молитва и сонъ. Случалось, что на вечернихъ занятіяхъ ученики вели себя очень скромно, не переходили изъ комнаты въ комнату, не шалили. Тогда дежурному воспитателю дѣла было мало, и онъ или ходилъ по корридору съ газетой, или писалъ что нибудь на поставленной у окна корридора конторкѣ.

Въ этотъ вечеръ ученики мало беспокоили Соколова, и онъ, чтобы какъ нибудь убить время, вынулъ изъ конторки три номера «Церковнаго Вѣстника», давно уже взятые имъ у бібліотекаря, и сталъ ихъ просматривать. Не нашедши ничего интереснаго для себя въ первыхъ двухъ номерахъ, въ послѣднемъ номерѣ онъ съ удовольствіемъ остановился на извѣстномъ «Отвѣтѣ» знаменитаго писателя, о чемъ уже слышалъ раньше, и сталъ читать его.

Читалъ онъ внимательно, не торопясь, вдумываясь въ прочитанное и нѣкоторыя мѣста снова перечитывая. Такъ онъ прочелъ первую половину «Отвѣта», гдѣ «великій писатель земли Русской своимъ могучимъ словомъ, какъ тяжелымъ молотомъ», разбивалъ «постановленіе» о немъ высшей церковной власти. Читая характеристику «постановленія», по которой оно являлось у знаменитаго графа «незаконнымъ, умышленно-двусмысленнымъ, произвольнымъ, неосновательнымъ, лживымъ» и содержало въ себѣ «клевету» и подстрекательство къ дурнымъ чув-

ствамъ и поступкамъ», Соколовъ чувствовалъ, какъ болѣе и болѣе захватывается его душа, какъ какая-то сила поднимаетъ ее вверхъ, точно волна лодку на морѣ, какъ пачинаетъ она торжествовать надъ всѣмъ обыденнымъ и скучнымъ, и его воображенію образъ графа предсталъ титаническимъ и окруженнымъ ореоломъ правды, силы, могущества и власти. Онъ такъ увлекся, что и не замѣтилъ, какъ подошелъ къ нему его прямой начальникъ, — инспекторъ, пришедшій въ корпусъ «навѣдаться», и когда этотъ послѣдній, заставъ его за чтеніемъ, а не при отпращиваніи своихъ прямыхъ обязанностей, недовольнымъ голосомъ спросилъ его: «все ли слава Богу?» Владиміръ Герасимовичъ растерялся, и на вопросъ отвѣтилъ вопросомъ же:

— А? что вы сказали?...

Ему непріятно было, что пришлось прервать чтеніе, и онъ съ нетерпѣніемъ сталъ ждать, когда подадутъ звонокъ на ужинъ, потомъ на молитву и когда ученики разойдутся по спальнямъ и уснутъ, чтобы потомъ у себя на квартирѣ безпрепятственно продолжать чтеніе интереснаго документа.

Но вотъ онъ свободенъ. Наскоро поужинавъ, онъ раздѣлся, легъ на свою койку и сталъ читать далѣе.

И читалъ онъ исповѣданіе графа: «что я отрекся отъ Церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо... Я убѣдился, что ученіе Церкви теоретически есть коварная и вредная ложь, практически же — собраніе самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства»...

Что-то жутко стало Владиміру Герасимовичу. Чувство торжествующей души, которое онъ испыталъ часа два тому назадъ на дежурствѣ, какъ-то упало въ немъ. Гдѣ-то въ тайныхъ глубинахъ своего сердца онъ замѣ-

тиль движеніе слабаго протеста противъ такъ грубо выраженнаго убѣжденія графа, и это его обвиненіе Церкви показалось ему обиднымъ и оскорбительнымъ.

«Обвинять Церковь, всю Церковь въ коварной лжи и въ колдовствѣ... это что то неладно», подумалъ онъ. «Можно бы говорить о заблужденіи Церкви, о ложномъ, допустимъ, пути, которымъ она шла и на которомъ стоитъ теперь, а коварная ложь и колдовство,—это ужъ не напрасно ли?»

По мѣрѣ чтенія дальше, гдѣ графъ отвергалъ Св. Троицу, «басню» о паденіи первыхъ людей, исторію о воплощеніи, ученіе объ искупленіи, ученіе о Христвѣ, какъ Богѣ, молиться Которому онъ признавалъ величайшимъ кощунствомъ, гдѣ онъ отвергалъ загробную жизнь, всѣ таинства Церкви, называя ихъ низменнымъ и грубымъ колдовствомъ, Соколовъ пришель въ трепеть и ужасъ. Читалъ онъ и прежде статьи отрицательнаго направленія и знакомъ былъ съ антирелигіозной литературой, но прежде отъ такого чтенія онъ испытывалъ въ душѣ лишь чувство удовлетворенія и довольства, подобныя статьи не только не возмущали его, а напротивъ доставляли нѣкоторую утѣху. Сейчасъ же, когда онъ видѣлъ, что ужасный графъ разрушаетъ все зданіе христіанства, разбивая его основы, что онъ изрекъ страшныя богохульства и сдѣлался безумнымъ отступникомъ, тяжелый камень легъ ему на сердце и съ какимъ то отчаяніемъ онъ воскликнулъ:

— Господи, Господи! ужели это такъ?!

Немного успокоившись, Владиміръ Герасимовичъ прочелъ и начальную статью журнала, гдѣ Первосвятитель русской Церкви, также ужасаясь страшныхъ богохульствъ графа, высказываетъ и глубокое сожалѣніе къ несчастному

отступнику. «Да, въ самомъ дѣлѣ, этотъ второй Юліанъ-богоборецъ и отступникъ не иначе, какъ несчастный чело-вѣкъ. Но какая титанически-злая сила, какая демоническая гордость, дошедшія до заявленія, что если бы напечатать всѣ его произведенія о религіи, то отъ православія оста-лись бы одни ключья! Страшно, страшно! Господи, Боже! ужели все это такъ? ужели все это правда?!..»

Погасивъ свѣчу, долго не могъ забытья Владиміръ Ге-расимовичъ подѣ вліяніемъ пережитыхъ впечатлѣній. Думая о Толстомъ, онъ вспомнилъ и слова «Отвѣта» графа: «одного меня обвиняють въ невѣрїи..., тогда какъ не только многіе, но почти всѣ образованные люди раздѣляютъ такое невѣрїе и безпрестанно выражали и выражаютъ его и въ разговорахъ, и въ чтенїи, и въ брошюрахъ, и въ книгахъ.» И онъ понималъ, что это невѣрно, такъ какъ зналъ, что у знаменитаго писателя много учениковъ и послѣдователей, такъ слѣпо вѣрующихъ въ него и съ благоговѣніемъ произ-носящихъ его имя.

Мучительная грусть заползла въ сердце Соколова. Какъ въ началѣ чтенія, на дежурствѣ, онъ чувствовалъ въ себѣ подъемъ силъ, нравственное удовлетвореніе, такъ теперь онъ испытывалъ полнѣйшій упадокъ, тоску, сознание чего-то сквернаго и гадкаго, и ощущалъ въ душѣ какую-то виновность предъ самимъ собою...

Съ этимъ онъ уснулъ усталый и разбитый, большой физически и душевно.

И вотъ видитъ Владиміръ Герасимовичъ сонъ...

Входитъ онъ въ какую-то обширную комнату, высокую, чистую и свѣтлую. Въ ней три окна. Потолокъ и стѣны комнаты ничѣмъ не оклеены, полъ не окрашенъ. Стѣны не бревенчатыя, а досчатыя, но доски выстроганы чисто, и плотно подогнаны другъ къ другу. Никакого убранства

въ комнатѣ нѣтъ: нѣтъ ни занавѣсокъ, ни цвѣтовъ на окнахъ, ни картинъ на стѣнахъ. Лишь въ одномъ углу, такъ называемомъ красномъ, или переднемъ, виситъ большая, писанная на полотнѣ, икона Нерукотвореннаго Спаса, и передъ ней теплится лампадка, да у стѣны, противоположной входной двери, стоитъ простой неокрашенный столъ, съ такимъ же, нѣсколько отодвинутымъ отъ него, стуломъ. На столѣ—развернутая книга, точно сейчасъ кто читалъ ее и вышелъ. Подошелъ Владиміръ Герасимовичъ къ одному окну, которое было раскрыто, и посмотрѣлъ въ него: предъ окнами не то лѣсъ, не то садъ. Сѣлъ онъ на единственный стулъ у стола и сталъ перелистывать книгу. Никто къ нему не являлся. Вдругъ до слуха его донеслись откуда-то, издалека, звуки какой-то церковной мелодіи. Точно въ «Демонѣ» за сценой пѣлъ хоръ монахинь. Пораженный этимъ чуднымъ пѣніемъ, онъ инстинктивно поднималъ голову, полагая, что дивные звуки льются въ открытое окно изъ сада. Въ этотъ моментъ взоръ его упалъ на икону Спасителя. И... о, чудо!—видитъ онъ, что мѣсто около иконы заволокло какой-то дымкой какъ бы тумана, или кадильнаго дыма. Появилось облако и изъ этого облака по направлению къ стѣнѣ, гдѣ окна не было, показалась рука, открытая лишь до кисти. Все мѣсто отъ кисти до локтя было облечено въ рукавъ изъ тонкой шелковой матеріи лиловаго цвѣта. Остальная часть руки пропадала въ облакѣ. Указательнымъ перстомъ эта рука, которая была правою, чертила на чисто выстроганной стѣнѣ какіе то знаки. И видитъ Владиміръ Герасимовичъ, что на стѣнѣ отпечатлѣваются большія славянскія литеры, какъ бы выжженные раскаленнымъ желѣзомъ... Но вотъ пропала рука, исчезло облако, а на стѣнѣ стояло:

А́ Іwàn. Ё: Д̄.

Проснулся Владиміръ Герасимовичъ съ холоднымъ потомъ на лбу. Онъ дрожалъ, какъ больной лихорадкой. Предъ нимъ живо стояла картина бывшаго ему во снѣ видѣнія и выжженные буквы ярко рисовались въ его представленіи. Зажегши свѣчу, такъ какъ въ комнатѣ было еще темно, онъ бросился отыскивать у себя на этажеркѣ Новый Завѣтъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ, подаренный ему начальствомъ, когда онъ еще учился въ семинаріи. Дрожащими руками развернулъ онъ святую книгу, отыскалъ въ ней приснившуюся ему цитату и прочелъ: «аще свидѣтельство человѣческое приедемъ, свидѣтельство Божіе болѣе есть: яко сіе естъ свидѣтельство Божіе, еже свидѣтельство о Сынѣ Своемъ».

Никогда прежде не читывалъ Владиміръ Герасимовичъ этихъ словъ Апостола, по крайней мѣрѣ не помнилъ, чтобы они когда встрѣчались ему. Тогда осѣнилъ онъ себя крестнымъ знаменіемъ, и, надѣвъ на ноги туфли и набросивъ пиджакъ, такъ какъ былъ пока босой и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, сѣлъ къ своему письменному столу и самъ для себя записалъ свой сонъ со всѣми подробностями этого чудеснаго видѣнія.

Въ эту ночь болѣе онъ не спалъ.

III.

Прошло около полгода...

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней къ литургіи Вознесенской церкви города N-ска собрались чуть не всѣ прихожане этой церкви. Тутъ было много и простого народа, много было и лицъ интеллигентныхъ. Такое небывалое стеченіе богомольцевъ въ простой воскресный день объяснялось тѣмъ, что въ этотъ день впервые совершалъ литургію у Вознесеня вновь назначенный къ этой церкви священ-

никъ, вмѣсто вышедшаго за штатъ старца о. Николая Никольскаго. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть служеніе новаго батюшки и будущаго своего духовнаго отца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послушать, что скажетъ онъ своей паствѣ.

Служилъ новый батюшка истово, не торопясь. Движенія его были плавны, возгласы громки, но не крикливы, и все въ немъ носило на себѣ печать нелицемѣрной благоговѣйности.

Въ концѣ литургіи, послѣ «Буди Имя Господне», вышелъ онъ на амвонъ и сталъ говорить свое вступительное слово.

Говорилъ онъ нѣсколько смущаясь, но внятно и громко, и говорилъ онъ между прочимъ:

— «Господь чудеснымъ образомъ направилъ меня въ жизнь на правый путь. Жилъ я сначала безъ Бога, безъ вѣры въ Него, — и страдалъ я, представляя изъ себя мертвеца; но не далъ мнѣ Господь погибнуть и явилъ мнѣ милость Свою. Онъ открылъ мнѣ очи мои и я сталъ видѣть Его, и сталъ счастливъ. Онъ явилъ мнѣ и еще великую Свою милость, доровавъ мнѣ благодать къ устроенію спасенія другихъ. И вотъ, теперь, я вашъ пастырь. Сердце мое исполнено нелицемѣрнаго желанія, дабы всѣ вы были счастливы, всѣ стали бы на истинный путь и шли вѣрными шагами ко спасенію. И по собственному опыту, и согласно ученію Церкви, я долженъ сказать вамъ, что самое главное условіе этого спасенія есть горячая и живая вѣра въ Бога и Спасителя Иисуса Христа. Безъ этой вѣры невозможно совершать и подвигъ спасенія. Не говорите: «вѣдь мы вѣруемъ». Вы вѣруете, это знаю я; но живая ли вѣра ваша? Нужно всѣмъ имѣть не простую, холодную увѣренность въ существованіи Бога, ибо это есть мертвая вѣра; но вѣру, соединенную съ неодолимымъ стремленіемъ къ Богу, что и будетъ вѣрою живою. Живая вѣра, это такая вѣра,

когда человекъ не только знаетъ, что есть Богъ, но, стремясь всѣмъ сердцемъ своимъ къ соединенію съ Богомъ, и всѣ свои поступки, всѣ дѣйствія, всю жизнь свою распредѣляетъ и направляетъ въ угоду Богу. При простой увѣренности человекъ забываетъ о Богѣ, а потому и грѣшитъ противъ Божьяго закона; но при вѣрѣ живой онъ не позволить себѣ дурныхъ дѣлъ, а если и согрѣшитъ, то мучится совѣстію и спѣшитъ очистить грѣхи свои покаяніемъ... Итакъ, воспитайте въ себѣ живую вѣру въ Бога и Господа нашего Иисуса Христа, какъ нашего Спасителя и Промыслителя. Только живую вѣрою человекъ живъ и бываетъ. И вы тогда живы будете и счастливы; тогда только и жизнь ваша будетъ чище и святѣе; тогда только и можно будетъ намъ надѣяться на наше вѣчное спасеніе»...

И много еще говорилъ новый батюшка своимъ слушателямъ о вѣрѣ. Въ заключеніе онъ сказалъ:

— «Прошу и молю васъ, вѣрьте Церкви, вѣрьте тому, что говорятъ вамъ ея пастыри и учителя, но не вѣрьте инымъ учителямъ, отъиѣ проходящимъ къ вамъ. Эти послѣдніе учителя, хотя бы они были люди и умные, и ученые, часто бываютъ волками въ овечьей шкурѣ. Отъ такихъ учителей въ свое время предостерегаль христіанъ и Апостоль. И вы не полагайтесь на ихъ живыя слова, не слушайте ихъ. Самъ я на себѣ испыталъ все пагубное вліяніе современныхъ лжеученій, и потому вдвойнѣ прошу и молю васъ, стойте на стражѣ вашего спасенія и не становитесь на путь опасный»...

Такъ закончилъ свое вступительное слово новый настоятель Вознесенской церкви г. Н-ска, о. Владиміръ Герасимовичъ Соколовъ.

Ноябрь 1902 г.

И. Л.—вѣ.

Отголоски.

Знаменательная рѣчь. Какъ высоко священническое служеніе и какъ велики требованія, предъявляемыя къ духовенству со стороны нравственнаго закона! Между тѣмъ, каждое духовное лицо — человѣкъ со всѣми присутствующими ему слабостями и недостатками. Міръ съ его житейскими заботами затягиваетъ всякаго человѣка, и счастливъ тотъ, кто все-таки сохранить въ себѣ священную искру страха Божія. Почему же священникъ долженъ въ этомъ случаѣ составлять исключеніе? Вѣдь и онъ, какъ и всѣ, находится подъ гнетомъ житейскихъ заботъ, — у него есть тѣло, требующее средствъ къ существованію, у него есть семья, которую онъ долженъ кормить, у него есть дѣти, которыхъ надо воспитать и образовать. Кто же съ чистой совѣстью бросить камень осужденія въ духовенство, если оно, влекомое мірскими заботами, не всегда слѣдуетъ примѣру Божественнаго Пастыреначальника? Не лучше ли поддержать его, ободрить и вспомнить его служеніе предъ престоломъ Господнимъ, свидѣтельствующее о его полной въ нѣкоторые моменты жизни во Христѣ. Но дѣйствительность показываетъ другое. Иной, извиняя свои слабости и оправдывая свои человѣческіе недостатки, съ особеннымъ ожесточеніемъ клеймитъ и осмѣиваетъ духовенство, пользуясь всякимъ случаемъ уклоненія его отъ нравственнаго идеала. Говорятъ о корыстолюбіи духовенства, проницески выражаются, что оно беретъ съ живого и съ мертваго, совершенно забывая, что дѣлающій достоинъ платы за работу, а духовенство эту плату получаетъ отъ прихожанъ. Такъ сложилась жизнь священно-церковно-служителей, и только

въ недавнее время они Монаршей милостью постепенно избавляются отъ зависимости въ матеріальномъ отноше-
ніи отъ своей паствы. Правильнѣе было бы войти въ по-
ложеніе священника, протягивающаго руку за мелкой мо-
нетой къ своему прихожанину, самому почувствовать,
каково это дѣлать, а потомъ уже говорить, что духовен-
ство обираетъ прихожанъ, живетъ привольно и богато.
Посмотрѣть бы на жизнь сельскаго духовенства,—какое
у него приволье! — думается, что чистота и опрятность
являются слѣдствіемъ не только матеріальнаго благосо-
стоянія, но болѣе порядочности натуры.—Тѣмъ не менѣе,
всѣ подобныя укоры и подчеркиванія слабыхъ сторонъ
въ жизни духовенства дѣйствуютъ подавляющимъ обра-
зомъ на его самосознаніе. Подъ дружный крикъ недобро-
желателей: «распни, распни его», — оно невольно ро-
бѣетъ, замыкается въ себя, а въ слабыхъ личностяхъ даетъ
тѣ комическіе типы, которые такъ охотно рисуетъ свѣт-
ская печать. Поистинѣ ты жалкое русское духовенство!
А было время, когда оно пользовалось общимъ почетомъ
и уваженіемъ; тогда сознавали его заслуги на почвѣ со-
зданія величія и внутренней мощи русскаго народа, тогда
не показывали пальцемъ на его недостатки исключительно
съ цѣлью ихъ осмѣять. Теперь же для всѣхъ замѣтно
лишь его матеріальное существованіе на счетъ прихожанъ
и возможность, пользуясь положеніемъ священника, какъ
проповѣдника нравственности, позлословить на тему о
его недостаткахъ. Да, легче бросить слово осужденія,
чѣмъ придти на помощь и дать возможность въ будущемъ
избѣжать тѣхъ или иныхъ погрѣшностей.

Съ другой стороны, въ настоящее время ослабленія
религіозности и развитія, въ лучшемъ случаѣ, индифферен-
тизма среди интеллигентнаго общества, иногда принято

смотреть на духовенство, какъ на помѣху въ дѣлѣ будто бы правильнаго усовершенствованія человѣчества. Говорятъ, что, заставъ въ извѣстныхъ формахъ, дѣятельность духовенства сводится къ удержанію свободнаго человѣческаго духа въ устарѣлыхъ и несовременныхъ понятіяхъ о религіи и нравственности. Отсюда слѣдствіемъ бываетъ презрительное отношеніе къ священноцерковно-служителямъ, какъ людямъ, ради своихъ корыстныхъ цѣлей удерживающихъ массу своей паствы, якобы, въ умственномъ и религіозно-нравственномъ невѣжествѣ.

Но если даже оставимъ этихъ крайнихъ представителей современнаго либерализма и посмотримъ на отношеніе вообще свѣтскаго общества къ духовенству, какъ лицамъ извѣстной профессіи, то и здѣсь увидимъ невеселую картину постоянныхъ нападокъ на священниковъ и прочій церковный причтъ. Еще многіе какъ будто бы не отрѣшились отъ крѣпостнаго времени, когда приходское духовенство у многихъ помѣщиковъ было на одинаковомъ положеніи въ своихъ правахъ и обязанностяхъ съ дворовыми людьми. Теперь времена эти ушли, но взглядъ по мѣстамъ еще сохранился. Многіе не хотятъ понять, что они сами нуждаются въ духовенствѣ для удовлетворенія своихъ религіозно-нравственныхъ потребностей. Поэтому весьма непонятны нерѣдко высказываемыя претензіи, чтобы священникъ даже въ своихъ прямыхъ обязанностяхъ подчинялся вкусамъ и взглядамъ того или другого лица. Вѣдь религія есть служеніе Богу, а не человѣку, не развлеченіе и не простая церемонія въ жизни какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлаго общества.

Всѣ эти неправильные толки о духовенствѣ породили въ частности то, что священника иронически и презрительно называютъ попомъ. Все это, скажутъ, мелочи, но

вѣдь изъ мелочей создается и вся наша сознательная жизнь; каково же духовенству всегда находиться подъ неприятымъ и обиднымъ, если не сказать болѣе, градомъ подобныхъ мелочей. Какъ же послѣ этого слабымъ изъ духовенства не падать духомъ?! Если ребенка съ малыхъ лѣтъ начинаютъ преслѣдовать насмѣшками и разными придирками, то съ возрастомъ онъ естественно усваиваетъ привычку бояться людей, дѣлается угрюмымъ, необщительнымъ, недоверчивымъ, робкимъ. Такъ и въ духовенствѣ, наслышавшись еще въ дѣтствѣ и юношествѣ разныхъ язвительныхъ замѣчаній по своему адресу, многіе изъ священноцерковно-служителей съ выходомъ въ общественную жизнь робѣютъ, боятся открыто заявлять о своей дѣятельности и требованіяхъ, опасаясь какъ бы не быть осмѣянными и въ своихъ чистыхъ и задушевныхъ стремленіяхъ. Такъ забитое живетъ наше духовенство, робко питая надежду, что, можетъ быть, его пойметъ, ободритъ и защититъ его непосредственное высшее начальство, которому, понятно, должны быть близки интересы низшей братіи. Но не всегда бываетъ такъ, какъ думается, должно быть... Желаемое единеніе и взаимопомощь часто отсутствуютъ, и бѣдное сельское духовенство, обуреваемое волнами житейскаго моря, тщетно протираетъ руки, прося о помощи.

При такомъ положеніи дѣла, понятно, какъ отрадно слышать изъ устъ власть имущихъ бодрящее слово утѣшенія и защиты, сулящее нашему духовенству свѣтлое будущее. Въ данномъ случаѣ имѣемъ въ виду знаменательную рѣчь преосвященнаго Димитрія, епископа Тамбовскаго, произнесенную имъ при прощаніи съ Кіевской духовной академіей, ректоромъ которой онъ состоялъ до своего новаго назначенія. На эту рѣчь его вызвалъ про-

фессоръ В. Н. Малининъ, который, замѣтивъ, что на Тамбовской кафедрѣ преосвященнаго ждетъ дѣло не менѣе важное и отвѣтственное, нежели управленіе академіей, именно руководство духовенствомъ, которому приходится нести сложный и отвѣтственный трудъ при тяжелыхъ условіяхъ, закончилъ свою рѣчь обращеніемъ: «Владыко, поддержите, ободрите наше забытое и забитое духовенство, такъ какъ, не говоря уже о свѣтскомъ обществѣ и свѣтской печати, которыя, какъ бы не видя свѣтлыхъ сторонъ въ жизни и дѣятельности нашего духовенства, слишкомъ внимательны къ его недостаткамъ и энергичны въ порицаніяхъ его, — даже епархіальные архіереи и духовная пресса не всегда оказываютъ поддержку духовенству». Отвѣчая на эту рѣчь, преосвященный Дмитрій сказалъ, что профессоръ затронулъ вопросъ, особенно близкій его сердцу. «Я самъ вышелъ изъ среды духовенства, — говорилъ онъ, — и съ тѣхъ поръ, какъ началъ жить сознательною жизнью, переживаю и радости, и скорби его. Въ послѣднее время среди духовенства я замѣчаю настроеніе, полное унынія и какой-то озабоченности. Въ виду этого, я считаю своей главной задачей на мѣстѣ новаго служенія поддержать и ободрить приходское духовенство въ его пастырской дѣятельности. Задача трудная и сложная: священническое служеніе требуетъ подвига, а большинство священниковъ люди средніе; чтобы средній человѣкъ могъ безъ воздыханій и оглядки нести на своихъ плечахъ бремя священническаго служенія, ему надобно быть спокойнымъ за свою семью, надо быть увѣреннымъ въ томъ, что его дѣти будутъ одѣты, обуты, накормлены и воспитаны, а для этого нужны средства: дѣло непосильное для одного лица, хотя бы оно и занимало архіерейскую кафедру». Въ заключеніе, владыка

еще разъ обѣщаль приложить всѣ силы къ тому, чтобы поддержать близкое его сердцу приходское духовенство въ его пастырской дѣятельности.—Какой цѣлебный бальзамъ эти обѣщанія вливаютъ въ сердца духовенства! Они служатъ для него залогомъ свѣтлаго будущаго, когда при энергичной поддержкѣ архипастырей оно смѣло и бодро пойдетъ по пути осуществленія своего назначенія. Тогда ему не страшны будутъ нападки недоброжелателей, не упадетъ оно духомъ и при созваніи своихъ недостатковъ (Костр. Епарх. Вѣдом. № 24).

Извѣстія и заимки.

Церковная жизнь въ Петербургѣ по отзыву провинціального журнала. Сопоставляя мѣстные порядки и обычаи въ отправленіи богослуженій и характеръ внѣшняго благолѣпія между церквами петербургскими и губернскими, пишетъ сотрудникъ «Приходской Жизни» намъ приходится отмѣтить нѣкоторую разницу...

Къ немалому сожалѣнію, въ Петербургѣ за всенощными праздничными службами рѣдко душа отдыхаетъ на пѣніи трогательной пѣсни св. Симеона Богопріимца: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко...» Эту *пѣснь* въ здѣшнихъ церквахъ обычно псаломщикъ *читаетъ* (въ полную противоположность торжественному пѣнію сей пѣсни въ нѣкоторыхъ епархіяхъ); хоръ поетъ рѣдко—на дванадцатые или престольные праздники. Но зато, здѣсь, въ нѣкоторыхъ церквахъ, поется въ началѣ воскресной литургіи, послѣ части псалма «Благослови, душе моя, Господа», и второй положенный (145) псаломъ: «Хвали, душе моя,

Господа», полностью, который въ нѣкоторыхъ другихъ епархіяхъ совсѣмъ не поется и не читается. Чтобы пропѣть его хоромъ, требуется всего три минуты, а между тѣмъ сколько отрады, ободренія онъ въ сердце вливаетъ. Чудныя слова, чудная музыка! Такой утѣшительный псаломъ, будучи такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ и художественно исполненъ, гораздо пріятнѣе и душеполезнѣе любого богатаго эффектами музыки концерта. Значительный духовный ущербъ богомольцы получаютъ при тѣхъ церковныхъ службахъ, когда опускается надлежащимъ исполненіемъ то, что такъ благотворно дѣйствуетъ на душу и положено по уставу.

Хотя по количеству населенія, годъ-отъ-года увеличивающемуся, въ Петербургѣ церквей далеко недостаточно, но нельзя не порадоваться благозвучію и богатству звона здѣшнихъ соборныхъ и приходскихъ храмовъ, въ центрѣ города находящихся. «Большіе» колокола здѣсь воистину большіе, могуче гудящіе въ дни праздничные и царскіе. На звонницахъ нѣкоторыхъ храмовъ (напр. Исаакіевскаго собора и др.) находится въ дѣйствиіи, въ торжественныхъ случаяхъ, до 15-ти колоколовъ. Чья душа трепетно и радостно не содрогнется отъ «краснаго звона» въ наиболѣе торжественные моменты церковной жизни, какъ свѣтлые дни пасхальной седмицы, другіе великіе праздники, или въ крестные ходы, при многочисленномъ стеченіи православныхъ? Да и всегда, во всякомъ громогласномъ трезвонѣ слышится побѣда Христа надъ смертію и адомъ и вѣчная слава избранныхъ на небесахъ. «Блаженъ, кто и церковный слышитъ звонъ и слышитъ вѣщій голосъ Духа!»

Кое-что о содержаніи римско-католическаго духовенства въ Россіи. Личный составъ римско-като-

лическаго духовенства въ губерніяхъ Привислинскаго края достигаетъ цифры 2,605 челов., въ томъ числѣ 1 архіепископъ, 6 епископовъ, 4 епископа суффрагана, 28 прелатовъ, 28 дѣйствительныхъ канониковъ, 48 настоятелей приходовъ I класса, 123 настоятеля приходовъ II класса, 1,461 администраторовъ приходовъ, 900 викаріевъ и 6 визитаторовъ монастырей. Согласно смѣтѣ расходовъ министерства внутреннихъ дѣлъ на 1903 годъ на содержаніе одного архіепископа и шести епископовъ пазначено 36,000 р. на содержаніе епископовъ суффрагановъ — 7800 р., каѳедральнаго духовенства—20,200 р., приходскаго духовенства—651,926 руб. Кромѣ того, 84 деканамъ на дополнительное содержаніе назначено 12,000 р. и престарѣлымъ настоятелямъ и администраторамъ, достигшимъ 65 лѣтняго возраста, въ числѣ 270 чел. назначено 27,000 руб. Затѣмъ, при монастырскихъ костелахъ на средства казны содержатся 95 органистовъ, на содержаніе которымъ по смѣтѣ назначено 7,650 руб. Штатныхъ р.-к. монастырей насчитывается 17 (9 мужскихъ и 8 женскихъ), на содержаніе которыхъ предположенъ расходъ въ 31,000 руб. На содержаніе, семи консисторіи назначено 17,100 р., а шести семинарій—24,455 руб. Общая сумма расходовъ по содержанію р.-к. духовенства и учреждений въ губерніяхъ здѣшняго края составляетъ 930,228 р., изъ которыхъ на Варшавскую губернію причитается 189,262 р., Калишскую—90,775 р., Кѣлецкую—110,880 р., Ломжинскую—44,385 р., Люблинскую—73,615 р., Петроковскую—84,000 р., Плоцкую—76,091 р., Радомскую—91,870 руб., Сувальскую—52,650 р. и Сѣдлецкую—46,850 р. и, кромѣ того, на С.-Петербургскую—69,850 руб.—въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ и преимущественно на нужды р.-к. духовенства здѣшняго края. Расходы на содержаніе

р.-к. духовенства и учреждений въ остальныхъ губерніяхъ Имперіи по смѣтѣ опредѣлены на 1903 годъ въ размѣрѣ 632,389 руб., т. е. почти $\frac{2}{3}$ той суммы, которая назначена только на губерніи Привислинскаго края.

Изъ недавняго прошлаго. «Москов. Вѣд.» сообщаютъ слѣдующій замѣчательный случай изъ жизни графа Апраксина.

Графъ Николай Петровичъ былъ неистощимъ въ разсказахъ о прошломъ, о своей молодости. Какіе были тогда цѣльные, сильные типы!

Вотъ, напримѣръ, какъ одинъ вѣрующій человекъ убѣдилъ въ существованіи Бога своего невѣрующаго пріятеля. Кажется, дѣло происходило между извѣстнымъ кавалерійскимъ генераломъ Алферьевымъ и однимъ княземъ Гагаринымъ.

Бѣхали они съ третьимъ спутникомъ въ саняхъ на охоту, разговорились о религіи и поспорили до брани.

— Ну, закричалъ Алферьевъ, — довольно! Вотъ повѣришь ты, что Богъ есть, если я позволю тебѣ выстрѣлить мнѣ въ упоръ, въ грудь, а Богъ меня спасетъ?

Какъ тотъ ни отказывался, пылкій Алферьевъ заставилъ-таки выстрѣлить себѣ въ грудь, причемъ тотъ предварительно чистосердечно признался, что если Алферьевъ останется невредимъ, для него это будетъ достаточнымъ убѣжденіемъ въ существованіи Бога.

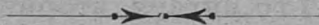
Спустилъ Гагаринъ курокъ — осѣчка.

Можно себѣ представить, въ какомъ волненіи были они оба до и послѣ спуска курка.

— Стрѣляй вверхъ! приказалъ Алферьевъ, — и раздался громкій выстрѣлъ.

Тогда они оба бросились обнимать другъ друга, и Гагаринъ увѣровалъ.

Этотъ случай замѣчательнъ не столько по способу, употребленному для доказательства бытія Божія, сколько по тому самоотверженію, которое обнаружилось въ поступкѣ Алферьева.

Редакторъ, Священникъ *А. Рождественскій*.

Печатать разрѣш. Спб. 4 января 1903 г. Протоіерей *Философъ Орнатскій*.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.

Совѣтъ Общества распространія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви.

С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 5.

Телефонъ — 1518.

Съ 7-го января 1903 года будутъ продолжаться богословскія и религіозно-публицистическія чтенія для образованныхъ слушателей, устраиваемыя Обществомъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія по вторникамъ въ большой аудитории Педагогическаго музея, въ Солянѣмъ городкѣ (входъ съ Пантелеймоновской улицы). Январскія чтенія предложать слѣдующія лица:

I. 7-го января, вторникъ.

Ректоръ Спб. Духовной Семинаріи Архимандритъ Сергій,

на тему: **СВЯЩЕННИКЪ У ПРЕСТОЛА БОЖІЯ.**

Программа чтенія: Святость таинства Евхаристіи. Немошь іерея. Совершитель Евхаристіи — Христось. Служашіе іерею — святые. Іерей со своими личными нуждами предъ престоломъ Божиимъ. Іерей, какъ уста или душа молящейся общины. Величіе молитвеннаго подвига іерея.

II. 14-го января, вторникъ.

Приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго Университета С. Г. Рункевичъ,

на тему: **ХРИСТИАНСКОЕ НАСТРОЕНІЕ.**

Программа чтенія: I. *Современное настроеніе.* Историческій очеркъ религіознаго настроенія русскаго интеллигентнаго общества въ XIX столѣтіи.

II. *Типическія черты подвижнической жизни и смерти.* 1. Св. Игнатій Богоносець. 2. Подвижникъ Серафимъ Саровскій.

III. 21-го января, вторникъ.

Ректоръ Спб. Духовной Семинаріи Архимандритъ Сергій,

на тему: **„ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ НАШИХЪ МОНАСТЫРЕЙ“.**

IV. 28-го января, вторникъ.

Профессоръ Спб. Духовной Академіи И. Г. Троицкій,

«О СІОНИЗМѢ».

Начало чтеній въ 8 час. вечера.

Билеты можно получать заблаговременно при входѣ въ залъ Педагогическаго музея (входъ съ Пантелеймоновской улицы). Въ часовнѣ при Троицкой церкви общества и въ конторѣ — Николаевская ул. № 5. Въ Воскресенской церкви Общества—Обводный каналъ № 116, близъ Варшавскаго вокзала. Въ Предтеченской церкви Общества — на Выборгской стор., уг. Нюстатской и Выборгской улицъ. Плата за входные билеты въ пользу благотворительныхъ или религіозно-просвѣтительныхъ учреждений.